

За чужими
окнами

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая жизнь

То, что *сильнее*

Машкино счастье

**Беспокойная жизнь
одинокой женщины**

Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Дневник свекрови

После *измены*

Ошибка молодости

Дорога *на две улицы*

Верный муж

А жизнь была *совсем хорошая...*

Ее последний герой

Мария
Метлицкая

Ее последний
герой

роман

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 54

Художественное оформление серии *П. Петрова*
Иллюстрация на переплете *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.
М 54 Ее последний герой : роман / Мария Метлицкая. —
Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (За чужими окнами.
Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-76902-5

Илья Городецкий. Бывшая легенда отечественного кинематографа. Бывший покоритель дамских сердец. Бывшая звезда. До встречи с Анной он был уверен, что у него все в прошлом. И Анна, пока не узнала Илью, не сомневалась, что личное счастье ей не светит: нет на свете мужчины, с которым она хотела бы засыпать и просыпаться, ездить к морю, делить радости и беды. Она пришла к нему, чтобы взять интервью, и осталась навсегда. Интервью стало книгой — книгой жизни известного режиссера. Жизни, где были взлеты и падения, любовь и предательство и даже подлость. А в финале — награда: Анна, последняя любовь последнего героя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-76902-5

© Метлицкая М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

- П ослушайте! Не морочьте мне голову! Каяя Анна, какой журнал? Мне все это давно неинтересно! Вы меня слышите? — От возмущения он подавился сигаретным дымом и закашлялся.

Она что-то затараторила:

— Не надо так волноваться, не расстраивайтесь. Не нервничайте.

От этого он взбеленился еще больше. Просто до сердечного спазма. Утешительница! Ей, видите ли, интересно! Конечно, ведь можно состряпать мерзкую статейку! Старый пень, скрипя вставной челюстью, коленными суставами и кипя праведным гневом (ну, старческой желчью), выложит кучу сенсационных фактов и поднимет их чертов рейтинг.

Он поставил на плиту кофейник и зажег новую сигарету. Руки дрожали. Он посмотрел на свои все еще крепкие ладони — когда-то бабы млели от его «мужественных и интеллигентных» рук — и подумал: а ведь и вправду старик. Вон как распиховался на ровном месте. Сколько раз гонял журналистов, как лис кур в курятнике. Хладнокровно, по-хамски, жестко. А сейчас...

Он разозлился, уже на себя. Стало чуть легче. Говорят, бабы тяжело переносят наступление старости. Ерунда: мужики переносят дряхлость ничуть не легче. Как с этим быть? С тем, что убегает, ускользает самое главное, чем была наполнена твоя жизнь. Исчезает то, ради чего, собственно... Все, что было так важно, жизненно необходимо и вносило смысл в окружающий мир. Во всю твою жизнь. Работа, семья, удовольствия... Желания. Вот чего ему не хватало. Так остро, что жизнь вообще, похоже, теряла смысл.

Он налил в чашку кофе, отпил глоток и поморщился: слишком крепко! С размахусыпанул — и вот результат. Горько. Все горько. Не только это чертов кофе. Он бухнул две ложки сахара и снова отпил. Теперь ему показалось, что слишком сладко. А бывает слишком сладко? Бывает. И еще как.

Со стуком поставил чашку на стол, затушил сигарету и вышел на балкон.

Двенадцатый этаж. Красота! Люди и машины, как игрушки или букашки, крутятся, передвигаются, суетятся, мелькают. Сейчас все мелькают. Или хотят мелькнуть — где угодно, но чтобы заметили. Все суетятся. Всем хочется больше, сладче, вкуснее. Машину, квартиру, жену. Думают, если сладче и больше, то будут счастливее, усмехнулся он. Идиоты! Потом непременно поперхнутся или подавятся. В сущности, нужно не так много. Но настоящего. Не суррогата, подделок, фейков, всяких там «квази».

Вон у Гальки-соседки сумки — шанели всякие, виттоны. А все с лужниковской толкучки, пото-

Ее последний герой

му что на настоящие денег нет. А ходит, дурында, и гордится. Сама себя убедила, что в шанелях, а не в китайских подделках.

Он зашел в комнату, лег на диван и закрыл глаза. Хотелось спать. Спать ему теперь хотелось почти всегда. Но не получалось. Он попадал не в сон, а в дрему — временное забытье, неглубокую, вырытую им самим теплую и уютную ямку — тоже иллюзии. Впрочем, как сама жизнь...

Снова зазвонил телефон. Он посмотрел на трубку, номер был незнакомый. Отвернулся к стене и... уснул. Успев перед этим подумать: «Слава тебе, господи... Хоть час или два без всего этого».

* * *

Анна Левкова вышла из офиса и глянула на посеревшее небо, которое обещало скорый дождь и, как следствие, похолодание. Она тяжело вздохнула и подумала, что, к счастью, взяла с собой зонт. В машине дождь не так уж страшен, но нужно было еще заехать на дачу к отцу с пакетами продуктов и лекарств.

Она подошла к машине, щелкнула пультом и снова посмотрела на небо. Вспыхнула молния, и послышались слабые раскаты грома. Значит, если она заедет в аптеку и в магазин, а потом двинется на дачу, то там ее точно настигнет стихия — тучи и всякие другие природные неприятности никогда не обходили поселок стороной.

В детстве она дачу не любила: комары, мухи, осы, вечно сырья постель (сколько ни суши ее

на заборе, все равно белье волглое). Да и дом был старый и хилый, почти в два раза старше ее, из недорогих и случайных материалов (что смогли достать в застойные годы). Некрашеная жестянная крыша местами проходила, крыльцо почти развалилось, а крытую террасу, гордо именуемую «верандой», продувало всеми ветрами. Все было ветхим, дряхлым, поношенным и обшарпанным — из прошлой, советской жизни. Шесть соток, по всем заборам — соседи, не всегда милые и приветливые. Короче, коммуналка на свежем воздухе. Та коммуналка, из которой так старательно выбирались в шестидесятые и снова загоняли себя в семидесятые — на приусадебные участки, бесплатно выделенные от предприятий.

А вот отец все это убожество обожал! Ковырялся на жалких грядках, радовался унылой петрушке и укропу, строил самодельные парники, покрывая их старыми kleenками. Умилялся трем (максимум) огурцам и двум помидорам, подрезал подсохшие кустики мелкой кислой смородины и боролся с вредителями так активно, что губил вокруг все живое.

Осенью, в урожайный год, аккуратно складывал мелкие, кисловатые, с подгнившими бочками яблоки в старые ящики («Только не забудь! Привези их обратно! Ни в коем случае не выкидывай!») и гордо и торжественно подносил их к машине.

Она кричала, скандалила, говорила, что не возьмет — такая кислятина. Мелочь, и вообще, «яблоки я не люблю». Он обижался, надувал губы и терпеливо объяснял ей, неразумной, что это самые что ни

Ее последний герой

на есть настоящие витамины! «Свои, Ань, ты что, не понимаешь? Не на какой-то там гидропонике». И мечтал угостить соседей. Она вздыхала, понимая бесполезность спора, и запихивала ящики в машину.

В Москве Анна отдавала яблоки соседке-пенсионерке. Та искренне радовалась и намекала на подорожавший сахар. Приходилось покупать еще и сахар. Но через пару дней честная тетя Тома приносила янтарное, прозрачное, словно напитанное солнцем, густое варенье и половину толстого яблочного пирога, пахнувшего корицей. Варенье она относила на работу, где оно не просто шло на ура, а моментально улетало.

Набрав полные сумки в магазине и лекарства по списку в аптеке, Анна наконец двинулась в область.

Пятница. Лето. Пробки. Кошмар. Обещанный дождь не прекращался ни на минуту. «Дворники» еле справлялись.

Ладно, подумала она, как будет, так будет. Ну, значит, на час дольше. Какая разница? Собственно, куда торопиться? Впереди выходные. Ура.

Она расслабилась и включила радио. Подумала, что ее спокойствие и рассудительность, как всегда, помогают в непростой жизни жителя мегаполиса. Чего психовать, когда от тебя ничего не зависит? Ни пробки, ни погода, ни движение на дороге?

Откупорила пакетик соленых орешков, открыла бутылку пепси и... Стала подпевать песни по радио. «Жизнь прекрасна!» — подумала она. Особенно когда тебе двадцать восемь. Гром все еще

гримел, но уже не так страшно, слегка ворчал. Попугал и стал отползать. На перекур, видимо. А что, устал. Имеет право.

Перед въездом в поселок она набрала отца:

— Пап, подъезжаю.

Он обрадовался:

— Вот и славно! Картошка уже готова.

Она нажала отбой и улыбнулась: отец знает, какая она «картошечница». И это значит, что ее ждет кастрюля горячей деревенской картошки и тарелка селедки с луком и подсолнечным маслом. Все, что она любит больше всего. И еще черный хлеб. Непременно! И холодная поллитровочка — это, правда, больше отцу. Но и она выпьет свои «боевые сто грамм». Чтобы расслабиться и прийти в себя после очередных кровавых боев за выживание.

И это тоже война, между прочим, — жить в наше время, да еще и в таком городе. И к тому же работать журналистом.

Въехав на разбитую проселочную дорогу, она открыла окно и с жадностью — замученное дитя города — стала вдыхать свежий после дождя лесной воздух. Птицы запели с удвоенной силой. По забору торопливо бежала белка. Было так оглушительно тихо, что становилось не по себе — в ушах звенело. Где-то в отдалении тоненько ныла электропила. Возрождалась на время затихшая жизнь.

У калитки стоял отец, смешной, в трениках с пузырями, в наброшенной на плечи древней нейлоновой куртке и в резиновых калошах.

Она припарковалась и медленно выползла из машины.

Ее последний герой

Они обнялись, и отец блаженно произнес:

— Красота, а, Анька? Воздух звенит! Слышишь, как пахнет?

— Красота, — недовольно пробурчала она, вытаскивая из багажника пакеты и увязая в размокшей глине. — Такая, блин, красота!

Она вздохнула и двинулась к дому.

— Скорее бы обратно, в каменные джунгли, от всей вашей красоты!

Отец продолжал восторгаться и, слава богу, ничего не слышал.

Но водочки под картошку с селедкой выпили, отогрелись душой, и печка весело потрескивала горящими полешками, сквозь запотевшие окна зеленел густой лес, пели вконец ошалевшие птицы — в общем, жизнь была и вправду вполне хороша.

После чая с местными пряниками и клубничным вареньем она отпросилась поспать:

— Не могу, пап. Глаза закрываются.

Пошла в свою «девичью светелку» на втором этаже, точнее, в мансарду. По очень узкой, очень скрипучей и ненадежной лесенке, под крики отца:

— Осторожно, Анют, осторожно!

— Починил бы лучше, — недовольно проворчала она, — созерцатель, е-мое! Столько лет — сплошной риск для жизни.

Наконец поднялась и, не зажигая света и не раздеваясь, рухнула в постель.

Засыпая под звон посуды на кухоньке (отец хо-
зяйничал), она подумала: «А ты нажралась, матушка! И всего-то с полстакана! Все с устатку!» — вздохнула и моментально уснула.

Не слыши ни телевизор, ни крики с соседнего участка, ни снова забарабанивший по старой крыше довольно сильный дождь.

* * *

Проснулась она в пять утра. Птицы уже снова гомонили, теперь по-утреннему, с новыми силами. За окном дрожал рассеянный молочный свет, и было свежо и даже чуть зябко. Она закуталась в одеяло и снова попыталась уснуть. Не получилось. В голову лезли всякие мысли, в основном о работе. Не про любовь же было думать? Про любовь думать не было смысла — а все потому, что не было у Анны Левковой, молодой, умной, красивой и вполне успешной женщины, этой самой любви. А была жалкая пародия, блеф и подделка — нудные, пустые двухлетние отношения с молодым человеком со странной фамилией Сильный.

Сильный был не так уж и плох: образован, начитан, мечтал о карьере и приличных деньгах. Имел маленькую «однушку» в спальном районе, кучу планов... И ничего больше. Сильным он точно не был.

Как мужчина, он привлекал Анну мало, точнее, совсем не привлекал. Так, в кино сходить, в кафе посидеть, ну и не чаще чем раз в неделю заехать к нему и остаться на ночь. Правда, последнее всегда вызывало у нее глухое раздражение, сомнение и стойкое ощущение, что она тратит свою жизнь совершенно впустую. В такие минуты она была сама себе непрятна — не то чтобы очень, но осадок оставался.

Ее последний герой

Сильный сдержанно радовался: накрывал стол и застилал свежую постель. Они пили красное вино, закусывали французским паштетом, намазанным на сухие гренки — он был эстет, — потом пили кофе с миндальным печеньем, обсуждали последние светские новости, обменивались мнением о просмотренном и прочитанном, критиковали власти и сплетничали о коллегах.

Дальше все тоже шло по плану: она отправлялась в ванную, а он протягивал ей через дверь большое махровое полотенце.

Все, что за этим следовало, казалось, его не радовало (а ее — уж точно). Буднично, прозаично, шаблонно. Как будто повинность: вроде неловко откаться — ну, раз уж приехала...

Она оставалась ночевать (куда же после вина за руль?), в который раз ругая себя, что пить не следовало, но без трех бокалов вина все это казалось и вовсе невозможным. Откатывалась на край дивана, укутывалась в свое одеяло и засыпала. А утром торопливо приводила себя в порядок и, не завтракая, бежала поскорее прочь. Зевающий хозяин квартиры при этом не особенно расстраивался.

Вот, спрашивается, для чего ей было это нужно? Пресное, вялое, неинтересное, знакомое до зевоты. Чтобы избавиться от одиночества, вот для чего. Хотя бы иллюзия! Есть человек. Есть отношения. Есть секс. Хотя все это — большой вопрос. Включая последнее.

Она сама себе в этом боялась признаться.

Вообще-то, Анна была из тех современных разочаровавшихся женщин, отводящих любви далеко не первое место. Скорее, последнее. А уж «поло-

жененным» семье и детям — и вовсе самое последнее. Лучше бы всего этого списка и не было. Но раз уж положено... Ну, скрепя сердце ставим последним пунктом, годам этак к сорока. Впрочем, имелись большие сомнения в смысле здоровья. Районный гинеколог, тяжело вздыхая, вынес приговор:

— Родишь ты, деточка, вряд ли. Врожденная патология. Да и слава богу! От этих детей — одно горе.

Замужние подруги, ставшие мамашами, вызывали у Анны только сочувствие и легкую брезгливость. Ей казалось, что они, с головой погрузившись в проблемы мужей и детей, быстро тупели, полнели, переставали за собой следить, теряли чувство юмора и интерес к жизни — все то, что было так важно ей самой. Да и брак казался ей чем-то насильственным: нудный, неискренний союз двух усталых и замученных людей, загнанных в рамки условностей. Успешных мужей подруги ревновали, неудачников поносили, и все вместе дружно жаловались на жизнь. Ей, свободной, казалось, завидовали, но поменяться с ней местами хотели вряд ли.

К тому же сильно влиял родительский опыт. Куда уж неудачнее! Пока родители жили вместе — сплошные скандалы и претензии. Бушевала в основном мать (маленькая Аня закрывалась у себя в комнате и зажимала уши). Ее родители откровенно не подходили друг другу: скромный и тихий, всегда всем довольный, не умеющий принимать решения домосед-отец и амбициозная, яркая и стремительная мать. Было даже странно, что их брак просуществовал так долго. Мать не уважала отца, да и не старалась скрыть свое пренебрежение.

Ее последний герой

ние. В конце концов она ушла. Ушла в, мягко говоря, зрелом возрасте, когда женщины обычно и не думают о браке, объявив напоследок, что двадцать пять лет ее жизни прошли зря и эти годы она считает безвозвратно потерянными.

Как ни странно, сразу вышла замуж. И довольно успешно — за бывшего коллегу, успешного бизнесмена, потерявшего скоропостижно скончавшуюся жену.

Аня осталась с отцом — растерянным, потерянным, страдающим, брошенным. Мать не осуждала, но злилась на нее. Отношения их, и без того не блестящие, и вовсе охладели. А мать с головой ушла в новую семейную жизнь — бодро, радостно, с молодым энтузиазмом. Подружилась с дочерью мужа, ставя ее Ане в пример: и замуж вышла — дай бог каждому, и двоих детей родила. С воодушевлением нянчила этих детей, уволившись с работы и поселившись в коттедже нового мужа (все как положено — три этажа, бассейн, прислуга, шофер). Дочь считала неудачницей («Ну разумеется! Вся в отца!»).

После развода отец резко сдал. Вышел на пенсию и по полгода жил на даче. О том, чтобы сойтись с какой-нибудь женщиной, он даже и слышать не мог («Что ты, Анютка! После твоей матушки я их всех просто боюсь!»).

Анна жалела отца, утешала:

— Ну, вот и освободился наконец от своего домашнего тирана. Поживешь хоть на старости лет.

А отец морщил лоб, жалобно складывал в скобочку рот и трясущейся рукой утикал слезу: